

Чжэнцзянь обнял его:

— Я не убью тебя. Я буду рядом и буду о тебе заботиться.

— На каком основании?

— На том основании, что я твой муж, твой господин, твой повелитель.

— Ты конченный извращенец! Я ведь тоже мужчина! — Князь Юй попытался дать ему пощёчину, но тот поймал его руку.

— Ха, если ты мужчина, зачем тебе проколоты уши? Разве в Юэ мужчины носят серьги? Не спорь со мной, — Чжэнцзяню показалось это забавным.

Цзыюй, вне себя от ярости, попытался вырвать запястье, скрежеща зубами:

— Это твой отец разрушил мою страну, привёл войска к стенам столицы Юэ! Мой отец и мать, чтобы спасти меня, вынуждены были выдать за девочку. В три года меня отослали из Юэ, боясь, что раскроют мою суть. Это из-за вас я столько лет страдал! Я сдеру с тебя кожу, съем твоё мясо!

Чжэнцзянь был поражён как громом, не веря своим глазам. Увидев, как от гнева у того дрожат губы, он вспомнил слова лекаря: нельзя волноваться, иначе яд достигнет сердца.

Он поспешил успокоить его:

— Ладно, ладно, хорошо. Ты мужчина, я ошибся. Только успокойся сначала, а то яд дойдёт до сердца, и у тебя не останется шанса отомстить.

Увы, Цзыюй закатил глаза и потерял сознание. Чжэнцзянь громко крикнул:

— Остановить карету! Лекарь Чэнь, ко мне! Все отдыхаем полчаса!

Лекарь Чэнь тут же спрыгнул со своей повозки и подбежал к первой, откинув занавеску.

— Господин, что случилось?

— Забирайтесь. Проверьте пульс. Она только что очнулась, разволновалась и снова впала в беспамятство.

Лекарь Чэнь немедленно ввёл иглы, чтобы заблокировать несколько важных точек на голове.

— Ей нельзя волноваться. Срочно нужно кровопускание.

Сяо Фуцзы, быстро принеси приготовленное лекарство для ножной ванночки! — Лекарь поспешно закатал ему штанину. На этот раз он не стал использовать лезвие, а раскрыл другой свёрток с серебряными иглами, вынул самую толстую, прокалил её на огне печки и вонзил в рану от стрелы, а также в несколько крупных артерий, позволив крови стекать по игле.

Лекарь, продолжая ставить иглы, пояснил:

— Впредь кровопускание будем делать через эти артерии. Отравленная кровь уже поднялась вверх. Эти иглы отличаются от тех, что используют для блокировки точек. Они полые внутри и специально предназначены для кровопускания.

Сяо Фуцзы быстро притащил кадку с лекарством.

— В следующий раз, прежде чем она начнёт волноваться или гневаться, введите иглу в эту точку сна, чтобы усыпить. Если не успеете, придётся пускать кровь. Изначально кровопускание делали раз в день, теперь же придётся дважды. Крови и так уходит много, если переборщить — человек отправится к праотцам.

Чжэнцзянь побледнел от страха и лишь кивнул в ответ.

Лекарь Чэнь, видя бледность принца, сжалился:

— Этот старик приготовит для неё успокоительное, чтобы умиротворить дух. Если она будет так легко возбуждаться, придётся поить её каждый день.

На следующий день в пути к ним подскакал гонец, спрыгнул с коня и, преклонив колено, доложил:

— Ваше высочество! Юэ прислал министра ритуалов господина Го в качестве представителя, чтобы сдать на милость нашему императору.

— Где он сейчас? Его задержали?

— Посол представляет капитуляцию Юэ государству Чу, генералы не осмелились его задерживать. Посол едет лишь с несколькими лёгкими конными телохранителями, сменяя лошадей и отдыхая прямо в повозке, день и ночь без остановок, спешно пересекая границу. Этот ничтожный не знает точно, где они сейчас находятся, — гонец опустил голову.

Принц тут же поднялся в карету, взял кисть и чернила, набросал письмо, приложил нефритовую печать наследного принца и вручил гонцу.

— Доставь это письмо генералу Гао Яну на передовой, чтобы он как можно скорее передал его правителю Юэ.

— Принято! — Гонец миглом вскочил на коня и умчался прочь.

В дворце Чу измученный, покрытый пылью дорог посол Юэ, министр ритуалов Чэнь, стоя на коленях перед императором Чу, униженно вымаливал условия капитуляции.

Министр Чэнь изо всех сил пытался объяснить, как правитель Юэ был введён в заблуждение, как князь Юй, с детства живший на стороне, был дикарём, не знал устоев, самовольно похитил военную печать... Во всём виноват князь Юй, и, поскольку князь Юй уже пал в бою, он умолял императора Чу умерить гнев и не карать весь народ Юэ.

Выслушав это, император Чу затрясся от ярости, жилы на висках вздулись. Он гневно закричал:

— Кто сказал, что князь Юй мёртв? Сейчас он вместе с наследным принцем возвращается в столицу! Этот князь Юй осмелился обмануть императора, осмелился поднять войска на мятеж! Я прикажу изрезать его на тысячу кусков!

Министр ритуалов Чэнь опешил. Разве военное ведомство не докладывало, что есть свидетели, видевшие, как князь Юй пал, сражённый стрелой? Как же он мог быть жив? Только что, следуя приказу государя, он взвалил всю вину на князя Юя. Выходит, теперь он сам подписал ему смертный приговор? У министра Чэня голова пошла кругом.

— Юэ готов выплатить три миллиона лян золота в качестве компенсации и ежегодно увеличивать дань вдвое. В знак искренности. Мы лишь молим ваше величество пощадить всех подданных Юэ, сверху донизу, — закончив речь, министр Чэнь склонился, касаясь лбом пола, и, дрожа, попытался обойти императора словами: «все подданные Юэ, сверху донизу» на деле включали и князя Юя. Если император согласится, он не сможет взять свои слова обратно.

Император Чу уже обдумал этот вопрос. За последние десять с лишним лет Чу часто воевал с соседними государствами, и хотя те постепенно сдавались, становясь вассальными, если сейчас продолжить войну с Юэ на востоке, несколько вассальных государств на западе, юге и севере легко могут воспользоваться моментом и объединиться против Чу. К тому же самому Чу нужно было остановиться и восстановить силы.

Генералы воюют за временные победы на отдельных землях, а император планирует наследие на тысячелетия вперёд, а не борется за сиюминутные амбиции.

— Учитывая, что последние десять лет Юэ ежегодно исправно платил дань и никогда не шёл против нас, возвращайтесь и скажите правителю Юэ, чтобы как можно скорее доставил компенсационное золото. Тогда я пощажу правителя Юэ.

Посол и не ожидал, что император согласится так легко, и поспешил поклониться в знак благодарности, а затем удалился.

В этот момент письмо наследного принца как раз прибыло. Посол, выйдя за дверь, хотел было прислушаться, но услышал, как внутри император в гневе швырнул на пол что-то с драконьего стола, раздався оглушительный грохот падающих предметов. В ужасе посол ускорил шаг.

Император, багровый от ярости, в бешенстве разорвал письмо наследного принца. В нём принц просил императора пожаловать князю Юю священное лекарство из плода ледяной тайны [сюаньбинго] и заявлял о намерении официально взять князя Юя в жёны, дабы осуществить союз Чу и Юэ и навеки скрепить его узами брака.

Что за бред? Взять в жёны такого мятежника и предателя — рано или поздно это приведёт к великой смуте. Князь Юй должен умереть.

Император твёрдо решил не посылать лекарство наследному принцу — пусть князь Юй умрёт от яда в пути.

Но это напоминание принца натолкнуло императора на мысль о брачном союзе. Почему бы не выдать свою недавно овдовевшую сестру, уже имеющую сына, за правителя Юэ в качестве наложницы? Это позволило бы следить за каждым шагом правителя Юэ и его дворца.

Другие вассальные государства, увидев союз Чу и Юэ, не посмеют пошевелиться. Так можно будет разом и отбить охоту к восстановлению независимости у нескольких соседних государств, и держать Юэ под контролем. В будущем можно будет принудить правителя Юэ передать трон сыну сестры, который тоже будет из Чу.

Прежде посланный в Юэ господин регент мог контролировать лишь дела при дворе. Во-первых, его силы были ограничены, во-вторых, он не мог на законных основаниях вмешиваться в дела внутренних покоев.

Именно из-за того, что за делами внутренних покоев никто не следил, и упустили такого, как князь Юй.

Император Чу немедленно начертал указ о браке и приказал тут же доставить его только что вышедшему послу Юэ, дабы правитель Юэ и королева Юэ лично прибыли в Чу для встречи невесты, дабы явить миру величие Чу и высокий статус принцессы!

Под вечер, на закате, караван наследного принца проезжал мимо глухого городка. В городке было всего две торговые улицы, которые можно было обойти за один круг. Никаких роскошных постоялых дворов здесь не водилось. Все в караване были измотаны многодневной гонкой, и выбирать не приходилось — остановились в самой обычной, простонародной гостинице.

Наследный принц остался в карете, а Сяо Фуцзы вышел договориться и снял всю гостиницу целиком. В самой лучшей комнате все ватные одеяла заменили на новые, поставили несколько жаровен, чтобы как следует прогреть помещение. Лишь тогда принц отнёс находящуюся в забытьи Цзыюй наверх, в покои, для отдыха.

Сяо Фуцзы также велел слугам внести большую деревянную купель с горячей водой для омовения господина. Чжэнцзянь, привыкший во дворце купаться ежедневно, в приграничном лагере, где стояли лютые морозы, а палатки плохо держали ветер, конечно, не мог позволить

себе такой роскоши.

Чжэнцяннь отослал Сяо Фуцзы отдыхать, а сам сел рядом с Цзыюем, разглядывая её.

— Неужели ты и вправду мужчина? Не обманываешь меня? Если ты мужчина... что ж, дай мне взглянуть — ничего страшного. Если же ты женщина... ты всё равно моя, так что посмотреть — не грех. Я тебя не брошу, можешь быть спокойна.

Он протянул руку, развязал её пояс и принялся снимать с неё верхние одежды, слой за слоем. Осталась лишь нижняя рубаха. Рука Чжэнцяння задрожала. Он ободрил себя: в конце концов, если не увижу своими глазами — не успокоюсь. А увижу — она всё равно не узнает. И он стянул её нижнюю рубаху вниз.

<http://bllate.org/book/15458/1367717>